

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Батыгинские чтения¹

16–17 февраля 2007 года в Москве, в Институте социологии РАН состоялся Методологический семинар памяти **Геннадия Семеновича Батыгина** “Структура и методы социологических исследований”. На семинар собрались многие из тех, кто хорошо знал и любил Батыгина: его коллеги, учителя и ученики. География участников была достаточно широкой: Москва и Санкт-Петербург (Россия), Киев (Украина), Фостер Сити (США).

Конференция получилась очень насыщенной, наполненной живыми дискуссиями, смехом, чувством единения. Там была замечательная атмосфера, поистине Батыгинская. Новые люди, не часто бывающие в московском Институте социологии, удивлялись: “Это у Вас так всегда?” “Конечно, не всегда”, — улыбались завсегдагаи.

Директор Института социологии **Михаил Константинович Горшков** открыл семинар рассказом о жизненном пути Батыгина (1951–2003) и отметил, что Геннадий Семенович был высококвалифицированным специалистом широкого профиля и область его научной специализации была связана с методологией социологических исследований, историей общественной мысли в России и историей западной социологии [1]. По мнению Горшкова, проведение этого семинара способствует укреплению исторической памяти, исторической преемственности внутри социологического сообщества: “Мы должны помнить о своих лучших коллегах, учиться на образцах профессионального служения, которые они задали, ориентироваться на поднятую ими научную планку. Это повышает престиж социологии, делает её сильнее и влиятельнее”.

В настоящее время, сообщил М.Горшков, готовится к переизданию один из лучших учебников по социологии — Батыгинские “Лекции по методологии социологических исследований” (1995). Г.Батыгиным было опубликовано около двухсот работ, в том числе прижизненно — три книги. После его смерти вышли в свет еще несколько начатых им книг. В 2004 году вышел перевод книги Ирвинга Гофмана “Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта”, а в 2005-м — коллективная монография “Социальные науки в постсоветской России” под научной редакцией Г.Батыгина. Уже расшифрованы и в скором времени будут изданы лекции социолога, прочитанные им в последний год его работы в Московской высшей школе социальных и экономических наук (2002–2003) и записанные на цифровой диктофон слушателем того года Дмитрием Куракиным. В 2004 году малым тиражом вышел учебник “История западной социологии” (в соавторстве с Денисом Подвойским) и сразу стал библиографической редкостью. Думаю также, что летом 2007 года вышло второе издание учебника и теперь он доступен всем желающим [2]².

¹ Автор выражает благодарность Б.Докторову, Л.Козловой, Н.Мазлумяновой, А.Никитину, М.Чернышу за помощь в подготовке публикации.

² Информацию о том, где приобрести книгу, можно получить: тел./факс (8-495) 248-3506, publishing-house@mail.ru, Издательский дом “Высшее Образование и Наука”, Москва, Россия. Содержание и предисловие к книге см. на странице: <http://www.msses.ru/win/faculty/sociology/batygin/history-of-sociology-2006.html>.

Директор Института социологии РАН напомнил собравшимся, что “с 1979-го по 1987 год Батыгин работал редактором отдела, а затем заместителем главного редактора журнала “Социологические исследования”. В этот период журнал поднялся на качественно новый уровень. В 1994 году Г.С.Батыгин организовал “Социологический журнал” и стал его бессменным главным редактором. До сих пор в социологических кругах журнал называют “батыгинским””. В 2003 году Ученым советом Института социологии Батыгин выдвигался кандидатом в члены-корреспонденты Российской академии наук, но, увы, не прошел. И это было не чем-то исключительным, поскольку такие ведущие российские социологи, как В.Ядов, Л.Дробизижа и другие, так и не были избраны в РАН, несмотря на высокий научный авторитет среди коллег. Дорога в РАН идет скорее через административную, чем через научную карьеру.

Свою вступительную речь М.Горшков закончил словами о том, что главная тема этого мемориального семинара — методология социологического исследования, которой Геннадий Семенович придавал первостепенное значение. Он озвучил цитату из предисловия Г.Батыгина к “Лекциям по методологии социологических исследований”: “Развитие научного знания не сводится к открытию новых предметных областей и более совершенных теорий. История знает немало примеров, когда научная революция начиналась с возникновения нового метода, необычного взгляда на обычные вещи. Метод освещает путь к предмету... Если не соблюдены методологические нормы научного исследования, вывод не может считаться дисциплинарно корректным. Социолог не имеет права сказать: “Я так вижу”. Он обязан аргументировать свою идею”.

Затем с концептуальным докладом, ставшим одним из наиболее важных моментов “Батыгинских чтений”, выступил **Владимир Ядов**, которого Михаил Горшков справедливо представил как человека, которого Геннадий Семенович считал своим учителем. В.Ядов остановился на проблеме противостояния качественной и количественной социологии, мягких и жестких методов: “В мировой социологии есть два клуба. Один клуб — это по-прежнему количественники, позитивисты. Второй клуб — это качественные, феноменологи. И как говорят и шутят англичане, это тот клуб, “в который я никогда не хожу”.

М.Горшков тут же спросил: “А наш институт к какому клубу принадлежит?” Ядов ответил, что “для нашего института такого разделения по двум клубам быть не может. Потому что в России важны и те, и другие исследования, и те, и другие теории, и той, и другой вариант методологий”.

По мнению Ядова, “движение в сторону мягкой методологии на Западе в экономически развитых и стабильно развивающихся странах вполне объяснимо тем, что социологи не испытывают острой потребности в новых гранд-теориях для предсказания будущего, но стремятся понять особенности жизнедеятельности разных социальных групп на микроуровне в повседневности”. В России же ситуация принципиально иная. “Равно важны и общетеоретические модели, позволяющие понять и предвидеть российские трансформации и особенности адаптации к ним людей из разных слоев общества. Иными словами, я хочу сказать, что и количественные, и качественные методологические подходы имеют почти равную ценность”.

В.Ядов констатировал, что общий методологический уровень исследований в России “вне сомнения, не будучи слишком высоким и в советское время, снизился, а интерес к скрупулезной валидации методик за малым исключением исчез вовсе. В области теории воцарились либо разделение ведущих исследовательских команд на сторонников того или иного направления, либо эклектика. Возникли также попытки сформулировать направление космо-социологии с опорой на русских авторов, таких как Вернадский или Гумилев”.

Ядов также выразил мнение, что на социологическую методологию оказывает свое влияние национальный менталитет. Он напомнил об исследовании Дж.Фридмана, который провел опрос в ряде стран, довольны ли люди своей работой. Оказалось,

что шведы предпочитали говорить: “вполне доволен” или “доволен”, а поляки преимущественно отвечали “не доволен”, и, пожалуй, так бы ответили и россияне. Все это приводит к тому, что россияне-респонденты не чувствуют разницы между категориями “очень...” и “пожалуй, ...”, и эти два значения на шкале часто приходится “склеивать”. Десятичленка превращается в пяти- или даже в трехчленку. В России не замечают полутонов, у нас “всегда либо хорошо, либо плохо, очень плохой человек или очень хороший, а нет такого, что ищется золотая середина”, — заметил В.Ядов.

Свое выступление о серьезном Ядов не раз прерывал шутками и анекдотами о Батыгине, придавая семинару неповторимый ядовско-батыгинский дух. Так, он напомнил о знаменитом батыгинском делении социологов по аналогии с видами собак. Как-то на одном из семинаров, посвященных истории российской социологии, на основе которых потом вышла книга “Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах” (1999), Батыгин пошутил, что все социологи делятся на служебных, охотничьих, сторожевых и декоративных. “Ну что такое сторожевые и охотничьи — это довольно понятно, — отметил Ядов, — а декоративные — это есть методологи, потому что они дают декорацию, оформляют и служебных, и таких, и сяких — всяких”.

По словам **Ларисы Алексеевны Козловой**, заместителя главного редактора “Социологического журнала”, жены и коллеги Батыгина, более серьезная версия этой типологии была опубликована в его статье “Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива” [3]. Геннадий Семенович сначала перечислил типы ученых по концепции У.Хагстрома, Б. и Э. Виккери: “управляющие”, “лидеры высшего уровня”, “неформальные лидеры”, “лидеры, ориентированные на учеников”, “педагоги”, “ученые локального масштаба”, “продуктивные изоляты”, “малопродуктивные изоляты” и “маргиналы” (типология приводится по: [4]), а далее отметил: *“Не исключено, что эти типы [ученых] являются конкретизациями функциональных реквизитов научных сообществ, главные из которых — администраторы, исследователи, брокеры. Речь идет о выполнении функций распределения власти (администрировании), производстве знания и установлении сетевых связей (коммуникации). Эти функции могут совмещаться, но в развитой исследовательской программе они реализуются путем специализации административных, исследовательских и информационных органов. Эти функции не обязательно принимают вид структурных подразделений, но почти всегда выполняются отдельно. Соответственно, осуществляется и селекция научного персонала: как собаки, ученые подразделяются на служебных, охотничьих и декоративных. Если так, то и типы научных карьер можно подразделить в зависимости от того, с каким материалом соотносится биографическое повествование: власть, знание или коммуникация”*.

Самого Батыгина было бы трудно “разложить по полочкам” типологий. Он был и неформальным лидером — и лидером, ориентирующимся на учеников, и педагогом, и в какой-то степени маргиналом. Сохраняя высокую продуктивность и качество статей и книг, он в то же время успел подготовить несколько десятков аспирантов. Пожалуй, предложенное Батыгиным деление социологов на типы трудно поддается операционализации. Назвать его самого “декоративной собакой” язык не поворачивается, недаром Л.Козлова, прочитав у В.Ядова в проекте его выступления на семинаре строчку “Методологи — декоративное племя”, отметила: *“Согласна с Вами, но жаль, что декоративные. Помнится, у Батыгина в классификацию входили еще и сторожевые. Может быть, подойдет?”*

Не раз В.Ядов устраивал дружескую перепалку со своим соседом “по парте” Евгением Ивановичем Головахой по поводу проблематики Россия—Украина. Вот пример одного из диалогов:

Ядов: Батыгин был человеком с юмором, и иногда было трудно понять, где юмор, а где нет. Это именно он пустил у нас выражение “придурки делают науку”. Это верно, потому что денег особо не платят, то да се. Вот они и делают науку. В

Академии был анекдот, который может быть неизвестен (*обращается к Е. Головахе*) в Украине или на Украине. А как говорить: на Украине или в Украине? По-украински “в Украине”, а по-русски “на Украине”. Согласны?

Головаха: Это — сложный вопрос, это еще сложнее, чем количественные и качественные методы.

Ядов находит выход из дилеммы и изобретает новый предлог “в-на”: Короче, в/на Украине, может быть, не знают этой шутки. Когда в Академии ни черта не платили, ученый секретарь подошел к президенту и говорит: “Что делать? Мы не платим, а они на работу ходят”. А тот говорит: “Как что? Бери деньги за вход!” Студентам это понравилось, и когда они говорят “ну, ты настоящий придурок” — это серьезная похвала.

Далее в первой части семинара выступил **Олег Божков** (Социологический институт РАН, СПб.) с докладом “Адекватность используемых методов как методологическая проблема на всех этапах исследования”. Он поблагодарил Владимира Ядова за “затравку” к проблемам методологии и отметил, что теперь ему будет легче выступать. О.Божков выразил убеждение, что на каждом этапе исследования необходимо вдумчиво искать и находить адекватные методы. Это касается всех этапов без исключения: концептуализации, операционализации, полевого этапа, обработки данных.

Он, в частности, рассказал, как операционализировал понятие “административный ресурс”. Пытаясь уйти от субъективных эмоций к выработке объективных критериев, он пришел к выводу, что это понятие может быть описано как материальными, так и не материальными элементами. В материальные входит: “помещение”, где работает тот или иной руководитель (наличие кабинета, его размеры и пр.), “средства связи” (количество телефонов на столе, наличие спецсвязи), наличие секретаря и т.д., и т.п.; все это социолог может описать на основе личных наблюдений. Нематериальные ресурсы, в которые входит право решающего голоса, право подписи, право “доступа к телу” вышестоящего начальника и др., могут быть описаны только после беседы с респондентами.

Последующая программа семинара предполагала работу по секциям. Две из них были общего характера: “**Живая память о Геннадии Батыгине**” и “**Обсуждая работу Геннадия Батыгина: диалоги и дискуссии**”.

Украинский социолог **Евгений Головаха** (Институт социологии НАН Украины), давний друг Батыгина, выступил с полемическим докладом “Социология “реификатов” и методология исследования социальных феноменов”. В своем выступлении он отметил, что Батыгин, как и Ядов, является ученым-интегратором и что Геннадия Семеновича “многим из нас сейчас действительно очень не хватает — как человека, способного интегрировать сообщество, вносить в него ту очень важную струю объединения на основе общих высших научных ценностей, и он здесь был первый”. Батыгин — единственный, кому Головаха давал право редактировать и сокращать свои статьи. Кроме того, на его взгляд, “у Батыгина была удивительная функция — он сеял сомнения, к чему нас и Декарт постоянно призывал, и в этом смысле он был вполне серьезным последователем Декарта, и сделал очень многое, чтобы это сообщество стало больше мыслить”.

Евгений Иванович привез из Киева книгу Г.Батыгина “Обоснование научного вывода в прикладной социологии” (1986), со множеством закладок и полустертой от частого обращения обложкой. Оказывается, эту книгу зачитал не он, а Наталия Викторовна Панина, которую волновали те же методологические проблемы, что и Геннадия Семеновича.

Е.Головаха зачитал фразу из книги, которая стала предметом его диалога с автором: “Опыт показывает, что даже элементарные измерительные конструкции выступают ли они в числовой форме или сформулированы в виде факто-фиксирую-

щих высказываний, могут быть фиктивными. Речь идет не только о неточностях или неадекватности отражения объективной реальности. Эмпиризм в социологии чреват опасностью создания особой артефактуальной, ненастоящей реальности, которая является результатом “очевидных” методологических допущений. Поэтому в качестве актуальной задачи социологического исследования выступает теоретизация эмпирического знания”. Головаха заметил, что разделяет сомнения Батыгина относительно артефактуальности эмпирического знания, но не может согласиться с последним выводом, из которого следует, что надо как можно больше теоретизировать. В теоретизировании он усматривает гораздо большую опасность, чем в неадекватности измерений.

Он выразил убеждение, что теории из области физико-математических и естественных наук менее опасны для общества, чем теории, разработанные социальными учеными. Если первые внедряют в практику уже отвечающие реальности закономерности, то обществоведы порой навязывают реальности свои артефактуальные измышления. Головаха отметил, что, по его мнению, “большинство социологических теорий — это такая вымышленная реальность, своеобразная реификация, овеществленная фантазия, которая потом становится элементом культуры и страшным орудием уничтожения или извращения социальной реальности”. (На слово “извращение” Ядов не мог не отреагировать, заметив, что, наверное, именно украинский характер Головахи требует использования жестких эвфемизмов.)

По мнению Е. Головахи, классическим примером внедрения в практику реифицированных фантазий одного мыслителя является марксизм, повлекший за собой миллионы погубленных жизней и поворот истории многих стран в неправильном направлении. Эта теория в СССР воспринималась в качестве абсолютной истины. Как в свое время заметил Андрей Кнышев, “учение Маркса всеильно, потому что оно — Маркса”.

Е. Головаха также выразил сомнение в верности веберовской концепции о решающей роли протестантской этики в деле появления и развития капитализма, отметив, что в Африке много государств, граждане которых исповедуют протестантизм, но капитализма там как не было, так и нет.

Выход из ситуации Головаха видит в почти дарвиновском естественном отборе теорий — теоретическом плюрализме, когда множество сосуществующих теоретических социальных концепций взаимоуничтожают друг друга, и ни одна из них не воспринимается как абсолютная истина. Еще одним шагом на пути создания более реальных теорий могло бы стать многократное применение гипотетико-дедуктивной процедуры.

Ядов оценил прозвучавший доклад как провокационный и очень обрадовался услышанному: “Это очень хорошо для обсуждения. Мы для того и собрались, чтобы спорить о чем-то и искать какое-то разумное решение”.

Доклад Головахи стал поводом для оживленной дискуссии о роли Карла Маркса, Макса Вебера в истории социологии. **Владимир Магун**, следуя заветам Батыгина, выступил с критикой тезисов своего лучшего друга Евгения Головахи: “Мне кажется, что как ни привлекательно звучит идея Е. Головахи об ответственности социальных ученых-теоретиков за свои идеи, реализовать ее практически очень сложно. Невозможно сформулировать такие этические нормы, которые бы предохраняли теоретиков от “опасных” ходов мысли. Могут быть нормы “не врать”, “не подделывать результаты”, нормы интеллектуальной красоты, наконец. Но мы сами часто не сознаем в нашей исследовательской практике, даже не будучи большими теоретиками, что, в конечном счете, окажется востребованным из наших результатов, что будет процитировано. Действительно, “нам не дано предугадать, как слово наше отзовется””.

В оставшиеся две минуты своего короткого выступления Владимир Самуилович выступил в защиту М. Вебера, полагая, что мы, наоборот, живем в эпоху своеобразного протестантского Ренессанса. Десятки миллионов людей по всему миру об-

ращаются в новую веру и принимают протестантизм. Он сослался на выводы известного американского социолога Питера Бергера (он больше у нас знаменит как автор совместной с Томасом Лукманом книги “Социальное конструирование реальности”). “П.Бергер сообщает о громадном росте популярности евангельского протестантизма на обширных территориях Восточной и Юго-Восточной Азии, островов Тихого океана, африканских стран южнее Сахары, и особенно в странах Латинской Америки. Он, в свою очередь, опирается на работы английского социолога Дейвида Мартина, который установил, что во всем мире насчитывается, по меньшей мере, 250 миллионов сторонников этого движения. Специальные исследования показывают, что обращение в эту религию формирует не только соответствующую трудовую этику, но меняет и отношение людей к семье, сексуальному поведению, воспитанию детей (см.: [7]). Так что, отметил В.Магун, сегодняшние реалии как раз подтверждают правоту М.Вебера. Одним из эпицентров “протестантского землетрясения” оказалась Гватемала — более четверти её населения обратилось в новую веру. В этой связи Бергер приводит шуточную фразу “Макс Вебер жив-здоров и живет в Гватемала-Сити!” [7, с. XIV–XV]¹.

Близкий друг Геннадия Семеновича, **Сергей Чесноков** выступил с сообщением “Наука, люди, институты в “раздвижном и прижизненном доме” Г.Батыгина”. Он, прежде всего, напомнил собравшимся стихотворение Мандельштама: “Я скажу это начерно, шепотом / Потому что еще не пора: / Достигается потом и опытом / Безотчетного неба игра. / И под временным небом чистилища / Забываем мы часто о том, / Что счастливое небохранилище — / Раздвижной и прижизненный дом” (9 марта 1937 года).

По его мнению, слово “раздвижной” у Мандельштама служит антонимом слову “гроб”, и в день, когда Геннадий Батыгин был похоронен, “его дом перестал быть раздвижным и естественно перестал быть прижизненным”. С.Чесноков рассказал о том, что дважды знакомился с Батыгиным, сначала в начале 1980-х годов, когда тот был заместителем главного редактора журнала “Социологические исследования”, а потом уже в 2000 году, благодаря Б.Докторову.

Чесноков отметил, что именно Батыгин был первым человеком, который не просто выслушал, а услышал его сомнения в том, насколько корректно социологи используют в своих исследованиях методы точных наук, особенно математики. “Если социолог пользуется кластерным анализом, он не имеет права делать вид, что он не принимает семантически важных решений: когда он выбирает количество кластеров или минимальный объем кластера или когда он выбирает метрику. Это то, в чем математика осуществляет для социолога прикрытие, и он, закрывшись этими вещами, может представить свой результат как объективный. Но это будет и не математическое, и не социологическое действие”. Именно в этом промежутке принятия решения о корректности применения тех или иных методов и проходит живой нерв взаимоотношений между математикой и социологией. Поэтому “нельзя строить методологию отношений с точной наукой за счет того, чтобы эту точную науку дискриминировать. ...Надо находить те моменты, где эта точная наука в действительности не точная”. Если Батыгин считал, что социолог не имеет права сказать: “Я так вижу”, то у Чеснокова — дополняющая позиция: он считает, что “социолог не имеет права скрывать то, что видит именно он”.

¹ В этой статье В.Магун в комментарии отмечает, что “теперь стало ясно, что сильную мотивацию трудовых достижений может генерировать не только протестантизм, но и другие религии. Известный американский социолог П.Бергер пишет, например, что “по всей вероятности, Вебер ошибался, полагая, что конфуцианство и восточноазиатские традиции препятствуют модернизации общества” (*Бергер П.* Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / Пер. с англ. Г.П.Бляблиной. — М., 1994. — С. 36).

В заключение своего пронзительного выступления Сергей Чесноков сказал, что Батыгин был одним из тех редчайших людей, каких он встречал в России, которые не жалели своих сил, времени, ресурсов, чтобы поддерживать тех, кто этого стоил: “Гена это делал, и это меня просто потрясло. Он делал это очень последовательно, очень четко, и при этом он был очень провокативен, потому что во многих своих учениках (ну, в некоторых, по крайней мере) он оставил как следствие какие-то очень сильные императивные высказывания категорического рода. Такие высказывания, как я вижу, сыграли по прошествии лет свою роль в этих людях, потому что они [эти высказывания] стали не только центрами присоединения, что было в начале, но и отталкивания, и это тоже был замысел Гены”.

Ксения Урсулenco и **Татьяна Тельчко**, приехавшие на семинар вместе с Евгением Головахой из Киева, рассказали о своем исследовании “Представленность работ, идей и личности Г.Батыгина в сознании студентов-социологов Украины”. Владимиру Ядову было чрезвычайно приятно узнать, что его книги входят в десятку наиболее читаемых украинскими студентами-социологами научных работ.

В ходе работы секции 2 “**Обсуждая работы Г.Батыгина: диалоги и дискуссии**” прозвучало четыре сообщения. **Александр Никулин**, директор Интерцентра (МВШСЭН), выступил с докладом “Проблематика советского наследия в работах Г.С. Батыгина: о книге “Советская социология 1960-х годов: в воспоминаниях и документах””. В докладе отмечалось, что существенной особенностью многих научных произведений Батыгина было любознательное и плодотворное изучение советской действительности (общества, науки, власти) как во времена СССР, так и после его распада.

По мнению А.Никулина, научный интерес Батыгина к советскому феномену проходил через несколько этапов. 1 этап: вторая половина 1970-х — начало 1980-х годов (годы застоя): наряду с изучением социальных показателей образа жизни в СССР и в зарубежных странах была батыгинская диссертация, посвященная исследованию советских философских дискуссий позднесталинских времен. 2 этап — начало перестройки: фокус батыгинского интереса сместился к изучению вопросов морали в советской науке и политике. 3 этап — начало 1990-х, когда для исследователей открылся реальный доступ к историческим архивам советского периода и Г.Батыгин по результатам архивных изысканий опубликовал ряд статей, посвященных анализу конфликтных событий в советской философии и культуре 1940–1950-х годов.

А.Никулин отметил, что “четвертым и последним (прерванным и незавершенным) этапом батыгинского изучения советского наследия стал период конца 1990-х — начала 2000-х годов, когда Г.Батыгин подошел к важным историко-философским синтетическим обобщениям в понимании советской интеллектуальной истории. Именно в это время им публикуются такие программные статьи, как “Доктрина и словарь советского обществоведения” (1997), “Преимственность российской социологической мысли” (1998), “Политика в области науки и формирование советского философского сообщества” (2001, в соавторстве с Л.Козловой). Наконец под редакцией Батыгина выходит замечательная книга “Российская социология шестидесяти лет: в воспоминаниях и документах” (1999), ставшая уникальным историко-социологическим путеводителем по интеллектуальным и нравственным проблемам поколения советских обществоведов-шестидесятников. Смерть ученого оборвала реализацию его обширной, фундаментальной и оригинальной программы изучения советского обществоведения”.

Ученик Батыгина **Иван Климов** (Институт социологии РАН, Фонд “Общественное мнение”) выступил с докладом о структуре и функции рецензионной речи, в котором сравнил число рецензий в российских и западных социогуманитарных научных журналах. Если в России жанр рецензий и обзоров научной литературы практически вырождается, то западная традиция “оказывается в несколько раз более развитой — технологически, организационно, тематически”.

В ходе работы 2 секции также выступили **Евгений Акимкин** (Институт социологии РАН, РУДН) и **Надежда Евстигнеева** (аспирантка ГУГН Института социологии РАН).

Следующие пять секций объединяли выступления и дискуссии по тем направлениям, в которые Батыгин внес основной научный вклад: “Методы изучения общественного мнения” (секция 3), “Методологические проблемы изучения социальной структуры российского общества” (секция 4), “Математика в социологии” (секция 5), “Биографические исследования российских социологов” (секция 6) и “Российская социология: история и методологические подходы” (секция 7).

Александр Ослон, глава Фонда “Общественное мнение”, рассказал о тесном сотрудничестве Батыгина с Фондом, его огромном вкладе в публикацию серии переводов книг, вышедших в рамках ФОМ, и серии семинаров по методологии социологического исследования, его постоянном и добром внимании к делам Фонда. Его выступление было очень трогательным и искренним. В ходе работы той же секции “Методы изучения общественного мнения” прозвучали сообщения **Елены Петренко** и **Елены Галицкой** (Фонд “Общественное мнение”) “Типологизация семейных представлений об образовательных траекториях детей (по результатам 5-й волны Мониторинга экономики образования)”, **Бориса Докторова** (независимого исследователя, США) “От самого дешевого и быстрого к наиболее качественному: тренды во взглядах на онлайн-опрос” и **Марии Мацкевич** (Социологический институт РАН, СПб.) “Использование методики делегированного наблюдения для изучения общественного мнения”.

Очень содержательными и взаимодополняющими были доклады **Сергея Чеснокова** “Ключевые методологические проблемы математической социологии и пути их решения” и **Ефима Галицкого** (Фонд “Общественное мнение”) “Проблемы применения кластерного анализа в пространстве факторов” в рамках секции 5 “**Математика в социологии**”.

В ходе работы секции 4 “**Методологические проблемы изучения социальной структуры российского общества**” **Михаил Черныш** выступил с сообщением “Теория психоанализа и исследование социальной структуры”. Он отметил, что “попытки использовать теорию Фрейда для объяснения явлений более высокого порядка предпринимались неоднократно. Сам Фрейд положил начало подобным попыткам, когда заговорил о культуре и её взаимоотношениях с бессознательным. С его точки зрения, культура — это травмирующий феномен, сдерживающий мотивационные импульсы и, следовательно, искажающий личностный профиль отдельного человека и больших социальных групп. Логично предположить, что не только культура влияет на бессознательное, но бессознательное в той или иной степени влияет на культуру и, опосредовано, на структуру общества”.

Далее М. Черныш рассказал, что “социологи не могли обойти вниманием столь заманчивое направление исследований: подтверждение тому — работы Теодора Адорно, стремившегося объяснить становление авторитарных форм управления особенностями личностной траектории становления, работы Эриха Фромма, проецирующего некоторые из комплексов на общество в целом, работы Эрика Эриксона, связавшего социальные изменения с особенностями эволюции отдельного человека и поколения в целом”. Он отметил, что “в настоящее время эту тему разрабатывает Нил Смелзер, стремящийся использовать фрейдовскую концепцию в качестве концептуальной базы, объясняющей становление, устойчивость и воспроизводимость некоторых форм социального неравенства”.

Еще один ученик Батыгина **Олег Оберемко** (Институт социологии РАН) рассказал о своем исследовании, проведенном в среде представителей малого бизнеса. Он провел 90 интервью с предпринимателями, участвовавшими в тех или иных благотворительных акциях. Анализ состоявшихся бесед позволил ему сделать нестандартный вывод о применимости концепций Фердинанда Тенниса *Gemeinschaft* и

Gesellschaft к анализу так называемой домашней благотворительности (когда бизнесмен полагает, что “Предприятие — это Я”) и корпоративной благотворительности (когда бизнесмен считает, что “Предприятие — это больше, чем Я”).

В секции **“Биографические исследования российских социологов”** прозвучали три сообщения. В докладе **Нatalьи Мазлумаыновой** (Институт социологии РАН) “Биографические интервью с российскими социологами: методико-методологические вопросы” были рассмотрены биографические исследования в истории и социологии российской социологии, проводящиеся в последние годы.

Н.Мазлумаынова проанализировала результаты трех наиболее крупных проектов, связанных с биографическими интервью с российскими социологами: 1) проект “Российская социология 1960-х годов”, отраженный в широко известной книге “Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах” под редакцией Г.Батыгина; 2) проект “Профессиональные карьеры”, реализуемый Сектором социологии науки ИС РАН; 3) проект “Биографии и история”, осуществляемый Б.Докторовым. Рассмотрев цели и задачи этих проектов, структуру проводимых в их рамках интервью, принципы отбора респондентов и описав преимущества и недостатки используемых методов опроса (слабо формализованного интервью с путеводителем; личного интервью в свободной форме; интервью по электронной почте), особое внимание Мазлумаынова уделила роли интервьюера в проведении биографических бесед. Ею были также представлены различные технологии обработки полученных текстов.

Не менее содержательными были сообщения **Ларисы Козловой** (Институт социологии РАН) “Биографическое исследование в социологии” и **Бориса Докторова** “Биографии и история”. После трех “историко-биографических” докладов последовала интересная дискуссия об истории социологии и биографическом методе. Б.Докторов, хотя на нем и сказывалась разница во времени между США и Россией, отдал всю свою энергию. Аудитория неожиданно переложила на него ответственность за судьбы всей истории российской социологии. Борис Зусманович весело отбивался: “Поймите, что я не институт, не отдел и даже не сектор, я один!” (Ряд участников дискуссии не преминули покритиковать интервью В.Шляпентоха, вызвавшее большую полемику в социологическом сообществе и опубликованное на сайте Докторова [9]).

В ходе заключительной седьмой секции **“Российская социология: история и методологические подходы”** **Дмитрий Рогозин**, ученик Батыгина, декан факультета социологии и политологии МВШСЭН, выступил с сообщением “Неизвестный Н.С.Тимашев: методологическое наследие русского социолога и правоведа”, где отметил, что Тимашев (1886–1970) ему порой более интересен и понятен, чем многие современные социологи. По мнению Д. Рогозина, многие методологические труды Николая Сергеевича по-прежнему актуальны и ценны.

Вадим Вениаминович Сапов (Институт социологии РАН) рассказал о своей работе над серией “Социальная мысль России”. Он перечислил имена лишь нескольких исследователей (первой женщины-социолога России Агнессы Звоницкой (1897–1942), Алексея Рыкачева с его книгой “Деньги и денежная власть” (1910), который написал ее в одно десятилетие с Зиммелевской “Философией денег” (1900) и погиб в 1914 году на фронтах Первой мировой войны и др.), но этого было достаточно, чтобы показать, сколь много еще незаслуженно забытых имен находится в кладовой российской социальной мысли и сколь катастрофической была Октябрьская революция 1917 года для развития российской социологии. Коллеги сидели открыв рты — такая Вселенная им открылась.

На семинаре присутствовало много выпускников МВШСЭН, где преподавал Г.Батыгин. Ректор Московской Школы Теодор Шанин не посчитал возможным выступить, но в одной секции участвовал как внимательный слушатель. Участникам

конференции не хотелось расходиться, и после завершения официальной программы они до ночи дискутировали уже в неформальном режиме. По мнению Б. Доктора, “батыгинский семинар своей атмосферой, уважительным, но не занудливым отношением к выступавшим, широтой охвата тематики, дружеским общением надолго запомнится всем его участникам”.

Несмотря на радость встречи, меня, да, наверное, и многих коллег еще раз пронзила мысль о том, что Геннадия Батыгина нет с нами, что его не вернешь и замени ему не найти, а он со своей ироничной и грустной улыбкой смотрел на собравшихся коллег с фотографии и о чем-то думал. Возможно, с чем-то из услышанного он бы мог не согласиться, но был бы очень рад, что память о нем лишена фанатизма, догматизма, а его научные идеи продолжают развиваться, проходя через тестирование, подтверждение или фальсификацию.

*Наталья Демина, ученица Геннадия Батыгина,
обозреватель раздела “Наука” на Полит.ру.*

Полезные ссылки

1. Страница о Г.С. Батыгине. — <http://www.msses.ru/win/staff/batygin.html>
2. *Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г.* История социологии. — М., 2007.
3. *Батыгин Г.С.* Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Вестник / Тюменский государственный нефтегазовый университет; Научно-исследовательский институт прикладной этики. — Вып. 20. Моральный выбор / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. — Тюмень, 2002. — С. 106–119. Интернет-версию статьи см. на сайте “Международная Биографическая Инициатива”. — http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/batygin_autobio.html.
4. *Vickery B.C., Vickery A.* Information Science in Theory and Practice. — London, 1987; *Виккери Б., Виккери Э.* Информационная наука в теории и на практике: реферат. — М., 1988.
5. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. — М., 1986. — <http://www.msses.ru/win/faculty/sociology/batygin/Batygin-Vyvody.pdf>.
6. Фоторепортаж о Батыгинских чтениях 16–17 февраля 2007 года см.: <http://www.msses.ru/win/faculty/sociology/batygin/readings2007/>.
7. *Бергер П.* Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Бергера, С.Хантингтона. — М., 2004. — С. 15–16; *Martin D.* Tongues of Fire: The Explosion of Protestantism in Latin America. — Oxford, 1990.
8. *Berger P.L.* The Capitalist Revolution. Fifty Propositions about Prosperity, Equality, and Liberty. — S.l., 1991. — P. XXIV–XXV; *Магун В.С.* Смена диапазона. В поисках протестантской этики // Отечественные записки. — 2003. — № 3 (12). — <http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=544>.
9. Владимир Шляпентох: “Социолог: здесь и там” // сайт “Международная Биографическая Инициатива”. — <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/shlapentokh.html>.